

Чейс Стив. Введение. Куда идёт радикальное экологическое движение?

Начиная по крайней мере с 1866 г., когда немецкий биолог Эрнст Геккель ввёл термин «экология», учёные-экологи неоднократно раскалывались на разные лагеря в зависимости от своих воззрений на вопрос о надлежащем месте и роли человечества в природе. Согласно историку Дональду Уорстеру, «историю экологии легко можно было бы представить как борьбу между двумя противоположными взглядами на отношения людей и природы: одни стремятся к познанию естественной ценности и её сохранению, другие – к созданию инструментализованного мира и его эксплуатации»¹.

Нас поэтому не должно удивлять, что тот же самый философский конфликт вносит раскол в ряды сегодняшних политических активистов, которые стараются пересоздать отношения нашего общества с остальной частью природного мира на более экологичной основе. В своей недавней книге «Зелёная политическая мысль» английский автор Эндрю Добсон проводит важное различие между «светло-зелёным» реформистским энвайронментализмом и «тёмно-зелёным» радикальным экологизмом. Согласно ему, общераспространённый энвайронментализм представляет собой инструментальный, деспотический подход к природе, сторонники которого утверждают, что наши экологические проблемы, как бы серьёзны они ни были, «могут быть решены без фундаментальных изменений в существующих ценностях и моделях производства и потребления». Радикальный экологизм, напротив, утверждает этический идеал желанного экологического общества и «настаивает, что забота об окружающей среде... предполагает радикальные изменения в наших отношениях с ней, а также в нашем образе общественной и политической жизни»².

Это различие в политической ориентации, пока, возможно, не очевидно для широкой аудитории, однако не является новостью для большинства людей, которые проявляют живой интерес к экологической политике сегодня. Разница между реформистским энвайронментализмом и радикальным политическим экологизмом впервые была обозначена более 25 лет назад. Соавтор этой книги Мюррей Букчин стал одним из первых, кто привлёк внимание к этому различию, опубликовав несколько новаторских эссе в 1960-е–70-е годы. Как отмечал Букчин, экологизм «предполагает широкую, философскую, почти религиозную перспективу отношений человечества с миром природы, а не энвайронментализм, [который представляет собой] разновидность технологического подхода к природе, стремящуюся манипулировать природными объектами как простыми “природными ресурсами”, сводя к минимуму загрязнение и возмущение общественности»³.

Поразительно схожими словами известный норвежский экофилософ и активист Арне Несс подчеркнул то же самое основное различие в своём эссе 1973 г., где «мелководное» реформистское природоохранное движение противопоставляется нарождающемуся «глубинному, рассчитанному на длительную перспективу экологическому движению»⁴. Хотя в США это эссе не пользовалось большой известностью до 1980 г., сейчас как среди активистов, так и в академических кругах стало обычным определять главный политический водораздел внутри экологического движения как идейное размежевание между «мелководными» и «глубинными» экологами. Для многих «глубинная экология» стала общей характеристикой всех экологических активистов, которые: а) убеждены, что природный мир наделён собственной внутренней ценностью; б) стремятся положить конец попыткам господства индустриального общества над биосферой; в) добиваются коренного переустройства человеческого общества в экологическом духе. В этом, весьма широком смысле социальные экологи, экофеминистки, биорегионалисты, радикальные зелёные, сторонники «Земля прежде всего!», индейские традиционалисты, многие академические экофилософы и некоторые борцы за права животных – все они по праву могут быть названы «глубинными экологами».

Для многих экологических активистов, таким образом, оказалось неожиданностью то, что Мюррей Букчин резко раскритиковал политическую перспективу глубинной экологии летом 1987-го на II Национальном собрании зелёных в Амхерсте (Массачусетс). В своём программном обращении к участникам конференции Букчин предупреждал, что теоретики глубинной экологии, как и некоторые ведущие представители «Земля прежде всего!» – самопровозглашённого «боевого крыла движения глубинной экологии», виновны в пропаганде глубоко ошибочного и потенциально опасного экологического курса. В этой речи, а также в ряде более поздних статей Букчин заявил, что растущая популярность глубинной экологии говорит о «серьёзном кризисе цели, морали и направления, постигшем американское экологическое движение»⁵.

Отвергал ли Букчин радикальный экологизм, которого он придерживался долгое время? Приученные к расширительному толкованию термина «глубинная экология» как характеристики всего радикального крыла экологического движения, многие активисты восприняли последующие дебаты между социальной и глубинной экологией как последнюю схватку между умеренным энвайронментализмом (на этот раз, по общему признанию, соединённому с радикальной социальной политикой) и более глубокой, более радикальной экологической философией, анализом, видением и стратегией. Такая интерпретация, однако, не учитывает важного изменения в значении термина «глубинная экология», которое произошло в период между тем, как Несс впервые использовал его в 1973 г., и тем, как Букчин выступил с критикой глубинно-экологической перспективы.

К середине 1980-х понятие «глубинная экология» стало всё больше ассоциироваться с особой, хотя и эклектичной, доктриной, развитой академическими учёными, такими как Несс, Уорик Фокс, Джордж Сешенс и Билл Диволл, с одной стороны, и радикальными защитниками дикой природы из «Земля прежде всего!», такими как Эд Эбби, Кристофер Мейнс и Дейв Формен – с другой. Как отмечает Уорик Фокс, «термин глубинная экология, таким образом, может рассматриваться как наделённый двойным смыслом: он отсылает нас, с одной стороны, к целому классу подходов (т.е. ко всем неантропоцентрическим подходам),

а с другой – к особого рода подходу внутри данного класса... к своеобразному взгляду на неантропоцентризм»⁶. Этим своеобразным подходом является концепция глубинной экологии, которой Букчин дал столь суровую отповедь.

Дискуссию на тему «Глубинная или социальная экология», следовательно, нельзя рассматривать как попытку придать новую остроту прежней дискуссии «Энвайронментализм или экологизм». Правильнее будет воспринимать её как напряжённую идейную борьбу на новой философско-политической линии разлома, которая пролегла внутри самого радикального экологизма. Ведущиеся в самом его сердце дебаты между социальной и глубинной экологией предполагают наличие двух разных ответов на вопрос: «Куда идёт радикальное экологическое движение?»

И всё-таки даже среди тех активистов, кто признаёт новую природу дискуссии, многие были удивлены резкостью критики глубинной экологии со стороны Букчина. Действительно ли социальная и глубинная экология настолько далеки друг от друга? Сам Букчин долгое время выступал как защитник и даже автор некоторых смелых идей, которые отстаиваются глубинными экологами. Согласно Родерику Нэшу, историку американской экологической этики, теоретическая работа Букчина в области социальной экологии, ведущаяся с начала 1950-х, внесла большой вклад в развитие глубинной экологии в 1970-е и 80-е⁷. Более того, одно из эссе Букчина по философии природы вошло в первую антологию глубинной экологии, опубликованную в Соединённых Штатах, и на него, как на пионера движения, часто ссылается известный манифест «Глубинная экология», который был составлен Джорджем Сешенсом и Биллом Диволлом годом позднее, в 1985 г.⁸ Как отметил Кристофер Мейнс, «вплоть до [конференции зелёных США в] 1987 г. труды Букчина неоднократно получали высокую оценку в литературе глубинной экологии»⁹.

Немногие активисты, знакомые с литературой по радикально-экологической философии, не согласились бы с тем, что между социальной и глубинной экологией существуют какие-либо заметные различия в плане философских основ, стратегических установок и первоочередных задач. Даже больше, они – по крайней мере до собрания зелёных в Амхерсте – считали, что такие различия не представляют серьёзной проблемы. Единство в многообразии – основной признак здоровых экосообществ. Почему тогда оно не может быть характеристикой здорового радикально-экологического движения?

В своей амхерстской речи Букчин поставил вопрос о том, можно ли считать эти различия, хотя бы в перспективе, взаимодополняющими или же две школы мысли являются фундаментально и неизбежно антагонистичными. После размышлений над работами некоторых академических глубинных экологов и над публикациями нескольких активистов «Земля прежде всего!» Букчин пришёл к выводу, что глубинная и социальная экология, в конечном итоге, фундаментально противоположны. Его мнение, в предельно упрощённом виде, сводилось к тому, что глубинная экология больше не является просто радикальной философией в защиту природы, но становится потенциально – а в некоторых случаях и явно – антиобщественной и античеловечной.

Критика Букчина вскоре получила ответы от нескольких участников движения глубинной экологии и в итоге вызвала дебаты, равно как и взаимные обвинения в «мизантропии» и

«антропоцентризме», которые быстро перетекли на страницы изданий «Земля прежде всего!» (Earth First!), «Нэйшен» (The Nation), «Утне Ридер» (Utne Reader), «Зи Мэгазин» (Z Magazine), «Гардиан» (The Guardian), «Социалистическое обозрение» (Socialist Review), «Экологическая этика» (Environmental Ethics), «Матушка Джонс» (Mother Jones), «Зелёные перспективы» (Green Perspectives), «Наше поколение» (Our Generation), «Обозрение всей Земли» (Whole Earth Review), «Зелёный листок» (Green Letter), «Омни» (Omni), «Нью-Йорк Таймс» (The New York Times), а также популярных книг наподобие «Ярости зелёных» Кристофера Мейнса. На протяжении последних нескольких лет эти дебаты становятся всё более актуальной темой для обсуждения внутри движения. Возможно, никогда прежде в Соединённых Штатах не проводилась столь широкая политическая дискуссия по вопросу взаимоотношений между экологической этикой, философией природы и радикальной социальной теорией.

К сожалению, до личной встречи между Дейвом Форменом и Мюрреем Букчиным, составляющей основу этой книги, дебаты, как правило, давали больше жара, чем света. Многие рядовые экологические активисты были обескуражены враждебным, почти сектантским, характером дебатов. Некоторые обвиняли Букчина и социальных экологов, которые, по общему мнению, безжалостно и огульно критиковали оппонентов. Букчин, например, охарактеризовал некоторых ведущих деятелей «Земля прежде всего!» как «всего-навсего замаскированных расистов, сурвайвалистов, мачоподобных Дэниелов Бунов и выраженных социальных реакционеров». Формен был, возможно, самым частым объектом нападок Букчина. В своей речи в Амхерсте Букчин назвал Формена «откровенным антигуманистом и горцем-мачо», впавшим в «неотёсанную экобрутальность»¹⁰.

Другие возлагали вину за озлобленный и бескомпромиссный тон дебатов на глубинных экологов. Если Дейв Формен по большей части избегал критических выпадов и переходов на личности, то писатель-натуралист Эд Эбби, литературный вдохновитель «Земля прежде всего!», публично назвал Букчина «толстой старой леди» и заявил, что ему всё равно, если это «прозвучит сексистски»¹¹. Билл Диволл в своём, несколько более корректном, ответе отказался от прежнего мнения относительно работ Букчина и охарактеризовал социальную экологию как всего лишь очередную «устаревшую парадигму» левой идеологии, весьма далёкую от подлинной экологической философии¹². А Кристофер Мейнс зашёл настолько далеко, что бросил Букчину обвинение в «фаустовском стремлении установить контроль над эволюцией» и подчинить природу¹³.

Некоторые рядовые активисты отвечали на напряжённый и зачастую гневный тон этой дискуссии равнодушием в духе «чума на оба ваши дома» и видели в ней не более чем «петушиные бои» интеллектуалов, лишённые серьёзного политического содержания. Но большинство всё-таки осознавало, что, независимо от сравнительных достоинств риторических фейерверков, здесь оказались поставленными на карту многие реальные и важные проблемы, которые так или иначе должны быть изучены и решены, если радикальное экологическое движение в дальнейшем собирается быть творческой и влиятельной силой в нашем обществе.

Ещё в 1982 г. Родерик Нэш констатировал, что в радикально-экологическом движении за последние два-три десятилетия наметились два различных подхода. Нэш назвал эти

отличающиеся друг от друга сценарии перспективой «леса» и перспективой «сада»¹⁴. Если бы ему пришлось писать о подходах сегодняшней радикальной экологии, он легко мог бы связать эти две предвидимые альтернативы с глубинной экологией и социальной экологией соответственно. Хотя эти перспективы не обязательно являются взаимоисключающими, их до сих пор редко удавалось сочетать, и они часто выражались в крайней, почти непримиримой форме. В этих крайностях, вполне возможно, и лежит основная причина конфликта между сторонниками глубинной и социальной экологии.

Нэш, к примеру, считает, что у любителей дикой природы есть много причин опасаться защитников перспективы «сада». По его словам,

“ «мысли об исчезновении на земле дикой природы развиваются в двух направлениях. Первое может быть определено как сценарий бесплодной земли. Он предрекает нам опустошение планеты, которая будет залита асфальтом и отравлена до такой степени, что мир погибнет под знаменитые причитания из Т. С. Элиота. Этот кошмар ползучей урбанизации традиционно вызывал протесты любителей природы, консервационистов и презервационистов. Такое всё ещё остаётся вероятным, особенно с учётом возрастающих технологических возможностей, однако величайшая долгосрочная угроза чаяниям тех, кто тянется к первоначальному, может таиться в сценарии сада. Его исполнение также положит конец существованию девственной природы, но не опустошая её, а обустроивая. Рене Дюбо указывает этот путь своим описанием щедрой, неподвластной разрушению и, по мнению многих, прекрасной земли, которая полностью преобразится. В земле-саду плодородие почвы не только поддерживается, но и увеличивается. Плодовые деревья усыпаны певчими птицами. Заботливо направляемые потоки несут свои светлые и чистые воды. Воздух не загрязнён. Леса являются неисчерпаемым источником древесины. Большие города редки, поскольку люди расселились в удалённых районах. Многие живут на самообеспечивающихся семейных фермах. Животные, которым позволено существовать, безопасны и полезны. Более мягкие и разносторонние технологии позволяют человеку жить непринуждённо и радостно, будучи частью природного сообщества. Асфальтовые пространства сведены к минимуму, коровы бродят по лугам, демократия процветает, и у детей румяные щёки. Это заманчивая перспектива, которая своими корнями через джефферсоновский культ фермера-землевладельца уходит к Эдемскому саду»¹⁵.

Поначалу может показаться, что сценарий «сада», описанный Нэшем, имеет далеко не случайное сходство с утопическим подходом социальной экологии. В конце концов, сам Мюррей Букчин в 1974 г. охарактеризовал микробиолога Рене Дюбо как важного мыслителя ранней социальной экологии¹⁶. Хотя в остальном взгляды Букчина и Дюбо были отнюдь не идентичными, их планы относительно населённых людьми областей Земли в значительной степени совпадали. Букчин, однако, выражал свои мысли в гораздо более радикальной манере. Продолжая дело Петра Кропоткина, вдохновенного географа-анархиста XIX века,

Букчин утверждал, что мы должны преобразовать наше репрессивное индустриальное капиталистическое общество в «экологическое общество, основанное на неиерархических отношениях, децентрализованных демократических сообществах и экологически чистых технологиях, таких как солнечная энергетика, органическое сельское хозяйство и соизмеримое с человеческими потребностями производство»¹⁷.

Согласно Букчину, децентрализованные формы производства и выращивания продукции, приспособленные к естественным возможностям отдельных биорегионов, не только более эффективны и экологически оправданы, они также возвращают человечеству чувство соприкосновения с почвой, растительным и животным миром, солнцем и ветром. Это, по его убеждению, единственный способ привнести в нашу культуру широкое экологическое сознание и укрепить его. Более того, он настаивает, что только преодолев дух наживы и корпоративную капиталистическую экономику с её девизом «расти или умри», только создав альтернативную экономику, ориентированную на экологически устойчивое производство, удовлетворяющее насущные человеческие потребности, – только таким способом мы действительно можем защитить планету от разрушительного воздействия кислотных дождей, глобального потепления и озоновых дыр.

Букчин, конечно, не единственный современный радикальный экологический мыслитель, пошедший по стопам Кропоткина. Некоторые авторы, включая отдельных глубинных экологов, также повторяли кропоткинские эконоархические идеи коммуитарной демократии, деурбанизации, децентрализации промышленности, альтернативной технологии, органического сельского хозяйства, ограничений роста и обновлённого чувства природы. Но социальная экология, в отличие от остальных доктрин, сознательно была выстроена на этой эконоархической основе и, отталкиваясь от неё, развивала и разрабатывала применимый на практике проект «экологического общества». Этим социальная экология внесла неоценимый вклад в радикально-экологическое движение, вклад, которым мы неосмотрительно пренебрегаем. Активистка «Земля прежде всего!» Джуди Бари проявляет печальную неосведомлённость, когда утверждает, что о контурах экологического общества «не говорится ни в одной левой теории»¹⁸.

Тем не менее остаются важные вопросы. Что социальные экологи могут сказать по поводу остающихся на нашей планете девственных областей, которые всё больше подвергаются посягательствам и разрушаются нашим экспансионистским индустриальным обществом? Будет ли признана ценность дикой природы и позволят ли ей процветать в проектируемом экологическом обществе будущего? Способны ли социальные экологи откликнуться на призыв экологической этики вне пределов морального императива, предполагающего создание гармоничной, здоровой, красивой и продуктивной природной среды для всех членов человеческого сообщества?

Если брать Дюбо за образец социального эколога, то ответ очевидно будет отрицательным. К концу своей жизни Дюбо поддерживал совершенно исключительную, тоталитаристскую версию перспективы «сада» и выступал за «очеловечивание» и «регулирование» среды по всей поверхности планеты. В его видении планета должна быть, как отмечает Нэш, «полностью преображена», хотя и с заботливой осторожностью, благодаря человеческому вмешательству. Дюбо довольно откровенно говорил о последствиях своего плана. По его

словам, «очеловечивание Земли неизбежно приводит к гибели дикой природы и многих живых видов, зависящих от неё»¹⁹. Дюбо видел в этом приемлемую цену, которую следует заплатить за переход на новую стадию управляемой человеком эволюции. Глубинные экологи совершенно правы, когда критикуют эту экстремистскую версию перспективы «сада». Она действительно представляет собой разновидность антропоцентрического, хотя и направленного к гармонии, высокомерия.

Совершенно иначе, однако, подходил к вопросу Мюррей Букчин, никогда не разделявший столь одностороннего подхода. Хотя некоторые глубинные экологи, критиковавшие Букчина, неоднократно пытались представить его взгляды таким образом, будто они идентичны взглядам Дюбо, подобные обвинения бьют мимо цели²⁰. В своей наиболее важной философской работе «Экология свободы» Букчин решительно отвергает перспективу полностью «одомашненной» и «умиротворённой» планеты, призывая вместо этого признать важность «высокой степени природной стихийности» и «остерегаться вмешательства в естественные процессы»²¹. Более того, начиная по крайней мере с 1960-х годов Букчин неоднократно заявлял, что одна из главных задач социальной экологии состоит в том, чтобы «защищать и расширять девственные ареалы и области существования дикой природы»²².

Примечательно, что Букчин основывает свои взгляды на доводах не только практического, но и этического характера. В отличие от реформистского энвайронментализма, говорит Букчин, социальная экология «рассматривает баланс и целостность биосферы как самоцель»²³. «Естественное разнообразие, – говорит он, – следует культивировать не только потому, что чем более разнообразны компоненты, составляющие экосистему, тем она стабильнее; разнообразия также следует желать ради него самого, возвращать его как ценность, необходимую для одухотворённого понимания живой вселенной»²⁴. Другие социальные экологи, такие как Джон Кларк, также следовали букчинскому неантропоцентрическому подходу в экологической этике и доказывали, что человечеству необходимо «соотносить своё благо с более широким контекстом общепланетарного блага»²⁵.

Взгляды Букчина и Кларка на дикую природу и экологическую этику весьма отличаются от взглядов Дюбо. Философ Томас Берри полагает, что лучше всего будет называть подход Дюбо «гуманистической экологией» и чётко отличать его от социальной экологии²⁶. Букчин, несомненно, согласился бы с этим. Он, определённо, никогда не пытался вновь провести связь между Дюбо и социальной экологией после комментария, сделанного в 1974 г. И сам Дюбо, вероятно, отличал свою позицию от букчинской. Примечательно, что он не определял себя как социального эколога ни в одной из своих книг.

Поэтому не стоит удивляться тому, что крайнюю цивилизаторскую перспективу «сада», сформулированную Дюбо, активно поддерживают очень немногие социальные экологи. Однако верно и то, что многие из социальных экологов не в полной мере ценят и разделяют давнюю приверженность Букчина неантропоцентрической этике и натуралистической философии. Позиция Букчина по этим вопросам пользуется большим влиянием в социально-экологических кругах, но она отнюдь не является нормой для всего движения. В теоретическом и практическом плане многие активисты социальной экологии стоят где-то

между более радикальной философской перспективой Букчина и более конвенциональным, антропоцентрическим подходом позднего Дюбо²⁷.

Подобно Букчину и раннему Дюбо, почти все социальные экологи убеждены в том, что «и окультуренному ландшафту, и дикой природе есть место» в любом сценарии экологического будущего²⁸. Однако, как и поздний Дюбо, многие социальные экологи часто испытывают «двойственные чувства в отношении сравнительной ценности и прав природной и антропогенной среды»²⁹. Неудивительно, учитывая сильный антропоцентристский уклон, свойственный как доминирующей культуре, так и традиционной марксистской и анархической теории, что многие активисты социальной экологии бессознательно разрешают это противоречие, отдавая потребностям и желаниям человеческого общества предпочтение перед интересами других форм жизни в «смешанных» и естественных сообществах. Экстремистская «садовая» тенденция, хотя, возможно, и не в таком крайнем виде, как у Дюбо, легко выявляется в кругах социальных экологов. Эта тенденция мешает социально-экологическому движению в целом разработать приемлемый сценарий, который связал бы воедино радикальные перспективы «сада» и «леса».

Эта ситуация ставит под сомнение утверждение Джона Кларка о том, что социальная экология представляет собой детально «проработанный подход ко всем основным проблемам теории и практики» в экологической философии и политике³⁰. Даже Букчин, при всей его готовности соединять на философском уровне внимание к дикой природе с развитой социальной концепцией гуманного и экологического общества, никогда не проводил тщательного и всестороннего исследования того, как и зачем восстанавливать на практике баланс между городом, сельской местностью и дикой природой. В его теоретических исканиях, как и в работах других социально ориентированных экологических мыслителей его поколения, включая Льюиса Мамфорда, Э. Ф. Шумахера, Э. А. Гуткинда и Уэнделла Берри, основное внимание всегда было сосредоточено на восстановлении социального и экологического равновесия между городом и сельской местностью – между территориями, населёнными человеком.

Букчин не одинок в своём невнимании к этому относительно неразвитому аспекту социально-экологической теории. Разработка детализированной радикальной концепции и стратегии сохранения дикой природы вплоть до настоящего времени не занимала центрального места ни в одном труде по социальной экологии. К примеру, в недавно вышедшей антологии социально-экологических работ Джона Кларка нет ни одной статьи, посвящённой сохранению дикой природы³¹. Да и в учебной программе Института социальной экологии никогда не появлялись ни консервационная биология, ни охрана и восстановление дикой природы. Представляется, что, при всей разумности планов по созданию гуманного и экологичного общества, при всей преданности Букчина неантропоцентрической философии природы, повседневная практическая заинтересованность социальных экологов в охране дикой природы так и не получила полного развития, и их взгляды лишь изредка выходили за узкие рамки подхода, принятого в мейнстримном природоохранном движении.

Как бы мы ни относились к Дейву Формену, другому автору этой книги, нельзя отрицать, что он долго и напряжённо размышлял о проблемах дикой природы. В этом отношении он

воплощает радикальную альтернативу социальной экологии. Действительно, после того как Формен совместно с четырьмя другими недовольными защитниками природы основал «Земля прежде всего!», он и его соратники повели мощное идейное наступление на ущербные представления о дикой природе, господствующие в мейнстримном природоохранном движении. В такой же резкой и язвительной манере, в какой Букчин критиковал глубинную экологию, сооснователь «Земля прежде всего!» Хауи Уолк публично обвинял реформистское природоохранное движение в «неистовой умеренности, безответственной компромиссности, инстинктивном сьерраклубовском догматизме и неосознанном (ладно, иногда осознанном) двуличии по отношению к систематическому уничтожению» дикой природы³². Формен пошёл ещё дальше, заявив, что «исполнительный директор Сьерра-клуба [того времени] по своему мировоззрению ближе к Джеймсу Уатту или Рональду Рейгану, чем к “Земля прежде всего!”»³³.

По мнению этих глубинных экологов, программа по охране дикой природы, вяло отстаиваемая мейнстримным природоохранным движением (как и некоторыми социальными экологами), в лучшем случае означает создание нескольких малозначительных экологических музеев в трудных для освоения местах, поддержку определённого количества небольших природных заповедников и сохранение в первозданном виде отдельных курортных мест. Резкую противоположность ей составляет глубинно-экологическое движение, которое принимает более радикальный, самоотверженный взгляд на дикую природу, восходящий к Генри Дэвиду Торо, Джону Мьюиру, Олдо Леопольду и Бобу Маршаллу.

В июне 1983 г. Дейв Формен и двое других основателей «Земля прежде всего!» представили публике главную концептуальную часть своей программы по защите окружающей среды – предложение о создании Системы заповедников дикой природы, в соответствии с которым более пятидесяти крупных природных ареалов в Северной Америке следовало объявить «закрытыми для индустриальной человеческой цивилизации заповедниками, где свободно протекают естественные процессы»³⁴. Этот детальный проект, охватывавший около 3 миллионов кв. км, был задуман как один из компонентов более широкой концепции, направленной на восстановление экологического равновесия между городом, сельской местностью и дикой природой и предусматривающей охрану всех общественных земельных владений площадью более 20–30 кв. км, которые не были затронуты дорожным строительством. Как отмечает Кристофер Мейнс, в этих крупных заповедниках не допускалось бы

“ «никакого проживания людей (кроме, в отдельных случаях, коренных народов с традиционным образом жизни); никакого использования механического оборудования или транспортных средств; никаких дорог; никакой лесозаготовки, добычи полезных ископаемых, водозабора, промышленного производства, земледелия или скотоводства; никакого использования искусственных химических веществ; никакой борьбы с пожарами; никаких авиаперелётов; и никакого приоритета безопасности и удобства посетителей перед функционированием экосистемы»³⁵.

Этот строгий план – и без того кошмарный для эколога-реформиста – не ограничивается, однако, защитой природных сообществ в уже существующих национальных парках и лесах. Он смело идёт вперёд, требуя отчуждения больших массивов находящейся в частной собственности и даже уже «освоенной» земли, которые могут быть осторожно возвращены в изначальное состояние биологами-консервационистами и затем включены в Систему заповедников.

Ни минуты не веря в то, что их предложение могло быть вынесено на рассмотрение в качестве законопроекта при текущей политической обстановке, члены «Земля прежде всего!» выдвинули этот план создания заповедников для того, чтобы чётко отделить себя от экологов-реформистов и заставить людей принять их радикальную экологическую концепцию. Действительно, ни одна группа в истории, за исключением индейцев, сопротивлявшихся европейской колонизации континента, ещё не предлагала столь обширной программы по сохранению дикой природы и, как следствие, сдерживанию и вытеснению разрушительной для среды индустриальной цивилизации.

С философской точки зрения, форменовская концепция «Большого природного пространства» (Big Wilderness) непосредственно восходит к одному из основных принципов глубинной экологии, который, согласно формулировке Несса и Сешенса, провозглашает, что «благополучие и процветание» нечеловеческих форм жизни и мест их обитания имеют «объективную ценность» и должны быть уважаемы людьми «независимо от полезности нечеловеческого мира для человеческих целей»³⁶. Более того, большинство глубинных экологов рассматривают поддержку Большого природного пространства как индикатор того, насколько прочно тот или иной человек усвоил неантропоцентрическую экологическую этику, которая стоит выше простого экологического прагматизма и просвещённого эгоизма.

Было бы ошибкой, однако, думать, что бóльшая часть глубинных экологов не принимает во внимание те экологические, научные, эстетические и духовные выгоды, которые предоставляет людям и человеческой цивилизации дикая природа. Во многих работах прослеживается, например, такая тема, как культурная ценность близкого и уважительного взаимодействия и самоотождествления людей с природой и её созданиями. Следуя идеям Пола Шепарда, авторитетного специалиста по экологии человека, многие глубинные экологи указывают на всё более многочисленные доказательства того, что степень психологической и культурной зрелости, как видно из нашей собственной эволюционной истории, возрастает благодаря богатому опыту общения с природой³⁷. Как предупреждает сторонник глубинной экологии, поэт и эссеист Гэри Снайдер, «культура, которая отчуждает себя от... окружающей природы... и от той другой природы, что таится внутри нас, обречена вести разрушительный и, возможно, в конечном счёте саморазрушительный образ жизни»³⁸.

Хотя глубинно-экологическая философия склонна сосредотачиваться в первую очередь на дикой природе, это не означает, что она неизбежно должна проявлять неосведомлённость или безразличие в отношении экологических и социальных проблемам человеческой цивилизации, и этот факт иногда упускается из виду в букчинской критике. На самом деле некоторые глубинные экологи так же, как и социальные, заинтересованы в радикальных общественных преобразованиях, направленных на создание децентрализованных,

неиерархических и демократических биорегиональных человеческих сообществ с динамичной устойчивой экономикой, основанной на экотехнологиях и экологически чистом производстве и потреблении. Как говорит Гэри Снайдер, «чтобы [человечество] продолжало существовать на земле, [ему] нужно преобразовать существующую пять тысячелетий урбанистическую цивилизационную традицию в новую, экологически чувствительную, стремящуюся к гармонии, обращённую лицом к природе научно-духовную культуру... Чтобы совершить это благое дело, потребуется ни больше ни меньше как полное переустройство общества»³⁹.

Тем не менее это сочетание перспектив «леса» и «сада» не является безусловной нормой. Подобно своему извечному недругу Рене Дюбо, глубинные экологи часто испытывают весьма «неоднозначные чувства в отношении сравнительной ценности и прав природной и антропогенной среды». Рассказывают, что некоторые глубинные экологи на собраниях активистов «Земля прежде всего!» скандировали у костров лозунг «Долой людей!». Это, как выразился Дейв Формен, «искреннее выражение» взглядов некоторой части глубинных экологов⁴⁰.

Очевидно, что перспектива «леса» может вылиться в исключительные, антигуманные, антисоциальные крайности. Действительно, тревога Букчина по поводу глубинной экологии первоначально была вызвана опубликованными группой влиятельных защитников дикой природы заметками, которые продемонстрировали чёрствое равнодушие к человеческой жизни и глубокое невежество в отношении скрытых социальных корней глобального экологического кризиса. Как отметил Букчин, у концепции защиты природы, доведённой до крайностей, «есть и не столь безобидная сторона»:

“ «Она может привести к неприятию человеческой природы, к интровертивному отказу от социального взаимодействия, к бессмысленному противопоставлению природы и цивилизации... [и] к восстанию против собственного вида; более того, к отрицанию естественной эволюции, поскольку она воплощается в человеческих существах. Это натравливание внешне дикой “первой природы” на социальную “вторую природу” выдаёт слепое и извращённое мышление, неспособное отличить то, что иррационально и антиэкологично в капиталистическом обществе, от того, что могло бы быть рациональным и экологичным в свободном обществе»⁴¹.

В противоположность социальным экологам, которые прослеживают истоки экологического кризиса в становлении иерархических и эксплуататорских человеческих обществ, многие сторонники глубинной экологии говорят о том, что само человечество как вид является болезнью, поразившей планету. Как выразился Дейв Формен, «обществу воинов пора восстать из Земли и броситься на джаггернаута разрушения, стать антителами против человеческой заразы, опустошающей эту прекрасную драгоценную планету»⁴². Как показывает эта цитата, первоочередная долгосрочная цель многих глубинных экологов не в том, чтобы преобразовать общество, а в том, чтобы добиться резкого сокращения населения Земли, как будто одна только численность человечества играла роль и разные типы обществ, которые могут быть созданы людьми, не имеют или почти не имеют отношения к

экологическому вопросу.

И хотя требование сознательного геноцида никогда не выдвигалось, значительная часть глубинно-экологических активистов всерьёз говорила о том, чтобы «позволить природе идти своим путём» в сокращении населения планеты, и открыто советовала людям ничего не делать для предотвращения таких «естественных» бедствий, как голод и эпидемические заболевания. Среди глубинных экологов далеко не единичными были выступления в поддержку даже таких крайних мер, как создание военного кордона на американо-мексиканской границе, призванного остановить приток иммигрантов из Латинской Америки, которых Эд Эбби однажды описал как «в морально-культурно-общем смысле» низших людей⁴³. Подобная позиция, занятая частью экологического движения, вызвала резкую феминистскую и антирасистскую критику со стороны таких экологических публицистов, как Марти Хил, Инестра Кинг, Джанет Бил, Карл Энтони и авторский коллектив сборника «Мы говорим за себя: Социальная справедливость, раса и окружающая среда»⁴⁴.

Хотя такой человеконенавистнический уклон вовсе не обязательно является нормой, он чётко прослеживается в крайних разновидностях перспективы «леса», сформулированных некоторыми глубинными экологами. Это притупляет социальный кругозор и этику всего движения и его участников. В самом деле, глубинно-экологическому движению в целом недостаёт последовательного, ясного социального анализа экологического кризиса или даже последовательно гуманной социальной этики. Анархичные экотопические концепции соседствуют с пугающими, потенциально авторитарными тенденциями и призывами полностью «разрушить цивилизацию», возродив охотничье-собираТЕЛЬские общества по всей планете.

Дейв Формен, возможно, является одним из самых ярких представителей этой разноликой глубинно-экологической социальной мысли. Вопреки бесчисленным критическим замечаниям в его адрес, Формен чаще всего выступал за радикальную биорегиональную социальную перспективу как осознанную цель для населённых людьми областей Земли⁴⁵. Однако в других случаях его социальные воззрения гораздо лучше согласуются со статус-кво, словно он действительно верил в то, что остающиеся на Земле ареалы дикой природы можно было бы успешно защищать долгое время, не затрагивая индустриально-капиталистической общественной системы. Например, в своей книге «Экозащита: Полевой путеводитель по саботажу» Формен решительно настаивает, что тактика прямого действия, применяемая «Земля прежде всего!», «не направлена на свержение какой-либо социальной, политической или экономической системы»⁴⁶. Ещё большее беспокойство вызывают некоторые прошлые комментарии Формена, в особенности относящиеся к иммиграции и голоду, которые внушают ледяное безразличие к человеческим страданиям и напоминают деспотические замашки властных элит, тех, что самим Форменом однажды были названы «головорезами, направляющими современную цивилизацию»⁴⁷. Периодически исходящие от Формена призывы «вернуться в плейстоцен» также предполагают огульное и некритическое отрицание сельского хозяйства, технологии, естественных наук и гуманистической социальной философии.

Беспорядочность в личных взглядах Формена на эти общественные вопросы, как и его периодические заигрывания с реакционной и экстремистской перспективой «леса» во имя

глубинной экологии, можно было бы проигнорировать как отклонения, но подобные положения повторялись или, по крайней мере, не встречали возражений со стороны многих других глубинно-экологических активистов и мыслителей. Принимая это во внимание, вряд ли стоит удивляться тому, что отдельные глубинные экологи принимают ещё более глубоко антигуманную, исключительную версию перспективы «леса» и ради укрепления нашей экологической этики бездумно приносят в жертву хрупкую социальную этику.

Социальные экологи предлагают важную и необходимую альтернативу этим бесчеловечным крайностям в глубинно-экологической философской и социальной мысли. Прежде всего, все социальные экологи верят, что стремления людей, направленные к созданию здоровых и демократичных человеческих сообществ, сами по себе являются морально обоснованными и жизненно важными для нашего вида. Напротив, у глубинных экологов весьма неоднозначные взгляды на моральную оправданность этих усилий, сконцентрированных на людях. Хотя представления относительно пределов исключительной заботы о человеческих интересах более или менее согласуются у ключевых мыслителей обеих радикальных тенденций, социальные экологи подходят к гуманистическому аспекту своей политики с особой серьёзностью. Большинство из них верит, что радикально-экологическое движение должно сформулировать и решительно поддержать неантропоцентрический, экологический гуманизм как один из существенных аспектов своей нравственности, взятой в широком смысле.

Другая ключевая идея, которую социальная экология предлагает радикально-экологическому движению, – это акцент на исторической и органической связи между социальной иерархией и экологическим кризисом. Возможно, основной принцип современной социальной экологии заключается в том, что первопричиной разрушительных взаимоотношений между человеческими обществами и остальной частью природного мира является социальный фактор – исторический упадок общественной солидарности в ранних обществах, который привёл к распространению иерархии, доминирования и эксплуатации в мировом человеческом сообществе. Это общественное развитие, доказывает Букчин, в конечном счёте предопределило «способ, которым мы постигаем действительность как целое, включая природу и нечеловеческие формы жизни»⁴⁸. С исторической точки зрения, такое предопределение способствует антропоцентризму и поощряет идею господства над природой.

Исходя из этого анализа, социальные экологи не могут понять, каким образом экологические активисты смогут эффективно и на долгий срок защитить Землю, если они не потревожат червя угнетения, прочно засевшего во внутренностях нашего общества. Для Букчина и других социальных экологов сохранение дикой природы, даже в той степени, какую предлагает «Земля прежде всего!», вовсе не является достаточно радикальной мерой. Если мы собираемся обеспечить Земле успешную защиту, утверждают они, наша основная задача заключается не в том, чтобы просто пытаться сдерживать экологически разрушительное общество, а в том, чтобы преобразовать его снизу доверху.

Могут ли эти два направления радикального экологического движения найти общий язык? Когда Федеральное бюро расследований в 1989 г. арестовало Дейва Формена по сфабрикованным обвинениям в «терроризме», стало ясно, что радикальное экологическое

движение теперь является целью массированной атаки со стороны властей. Необходимость принципиального единства всех течений внутри движения, независимо от существующих между ними различий, становится всё более очевидной. В противостоянии традиционной тактике «разделяй и властвуй», применяемой ФБР, Букчин и Формен приняли давнее приглашение Образовательного альянса и провели открытую встречу, чтобы продемонстрировать свою солидарность, отметить точки соприкосновения, которые могут быть найдены между ними, и исследовать свои философские и политические разногласия в такой манере, которая показала бы, что глубинные и социальные экологи способны слушать и учиться друг у друга.

Результатом встречи, как показывает эта книга, стал знаменательный, дающий почву для размышлений отказ от крайностей как перспективы «леса», так и перспективы «сада», продвижение к подлинно обобщающей радикальной концепции. Конечно же, не все различия были преодолены. Букчину и Фомену приходилось не только соглашаться, но и возражать друг другу по ряду важных вопросов, затронутых в дискуссии. И всё же общие очертания захватывающей радикально-экологической программы, сочетающей лучшее в перспективах «сада» и «леса», стали отчётливо видны всем нам.

Это – важное достижение радикально-экологического лагеря. Оно отражает заметное продвижение вперёд, по сравнению с прежними односторонними программами и стратегиями, среди многих глубинных и социальных экологов. Отрадно, например, услышать наконец от такого видного сторонника глубинной экологии, как Билл Диволл, признание того, что «марксистские, социалистические и анархические концепции могут помочь глубинным экологам исследовать и понять политические и социальные факторы – включая роль капитализма и транснациональных корпораций, – вызывающие деградацию нашей планеты»⁴⁹. Радостно также видеть появление новых, более социально ориентированных лидеров в «Земля прежде всего!», видеть их усилия по созданию экологического альянса с рабочими лесной промышленности, нацеленного на спасение старовозрастных лесов и вытеснение лесозаготовительных корпораций экологически ответственными рабочими кооперативами.

Внушает надежду и позиция социально-экологических групп наподобие Сети левых зелёных, которые с большей, чем когда-либо, страстью отстаивают «поддержку всякой борьбы за охрану нечеловеческих форм жизни... за сохранение видового разнообразия, местообитаний и экосистем и за расширение ареалов дикой природы»⁵⁰. Готовность защищать дикую природу, давно заявленная социальными экологами, больше не выглядит простой фразой. Социально-экологические группы, такие как Сеть борьбы за Землю, не только призывают к «значительному расширению общественных парков, девственных ареалов и мест обитания видов дикой природы», они также активно помогали в организации Лета секвойи, а теперь организуют другие «акции в защиту устойчивой среды, использующие тактику гражданского неповиновения, прямого действия и креативного сопротивления»⁵¹. В Вермонте берлингтонские зелёные активно продвигали инициативу референдума с целью ввести мораторий на экономическое развитие, включая развитие высокодоходных приозёрных участков и лыжных курортов. Они также недавно начали масштабную кампанию прямого действия, направленную против крупной фирмы по разработке биотехнологий, работающей в их городе.

В наших силах создать более сплочённое, более целостное, более гармоничное радикальное экологическое движение. Если это случится, такое движение не будет ни антропоцентрическим, ни мизантропическим. Оно будет стремиться как к распространению дикой природы, так и к созданию гуманного и экологичного общества. Его подход позволит согласовать творческое вмешательство человека с природной стихийностью и заботливой сдержанностью. Далее, это движение сможет понять и принять экологические и этические ограничения глобального экономического и демографического роста, посвятив себя поискам устойчивого и приемлемого курса развития для всех обществ. Оно также будет стремиться разрушить современную империалистическую систему, разоряющую одно человеческое общество ради удовлетворения интересов другого, а в личностном плане оно будет способствовать (воз)рождению экологического сознания, сделав основой нашей жизни сердечное общение и единение со всем живым миром.

Эта книга указывает нам путь к столь воодушевляющему движению. К счастью, этот путь таков, что и глубинные, и социальные экологи могут увидеть его со всей очевидностью. Интегральная перспектива, намеченная здесь, строится совместными усилиями обеих школ мысли. Конечно, в этой книге показано лишь начало, а не конец строительства. Это только первый необходимый шаг, сделанный двумя влиятельными активистами и мыслителями. Следует также серьёзно прислушаться к другим голосам. Более широкое движение должно, к примеру, учитывать мнение экофеминисток, чёрных энвайронменталистов, коренных народов Америки, сочувствующих профсоюзных организаторов и активистов третьего мира.

Как бы то ни было, значение этого диалога сложно переоценить. В этой книге Букчин и Формен вместе дают неожиданные и пронизательные ответы на всё более важный для нас вопрос: «Куда идёт радикальное экологическое движение?»

Версия #1

Зверобой создал 18 апреля 2025 21:31:25

Зверобой обновил 18 апреля 2025 21:33:18